Глава 145: Столкновение между старым и новым Великим Маршалом!

У старшего, сидящего перед Ван Чуном, не было властной или запугивающей ауры. Он казался не более чем обычным стариком.

Если Ван Чун не знал бы о предыстории шахматного матча, он никогда бы не подумал, что старший, одетый в простую черную одежду и держащий белый камень в руке, был великим богом войны, чье имя потрясло весь Великий Тан, Су Чжэнчэнем!

Непобедимая легенда, которая давно исчезла из умов многих!

Под старым Китайским деревом ученых в западном районе столицы обычная золотая шахматная доска была ключом к тому, как этот старый бог войны выбирал своего преемника.

В этот момент Ван Чун чувствовал, что в его глазах было теплое ощущение (т.е. слезы). Сама мысль о том, что великий бог войны Великого Тана сидел прямо перед ним, наполняла его сердце волнением.

Со своей личной силой Су Чжэнчэнь выстоял против более чем десяти тысяч врагов. До последнего вздоха он боролся для защиты граждан Великого Тана. Его вера была достойна уважения!

В глубине сердца Ван Чун чувствовал это.

Но вскоре он подавил все свои эмоции.

Несмотря на то, что внезапное появление Су Чжэнчэня было хорошим знаком, это не означало, что другая сторона была готова передать ему наследство.

Трудность получения наследства «Искусства Убийства Богов и Демонов» была определенно на максимальном уровне. Ван Чун не думал, что он был единственным, кто сидел перед этой золотой шахматной доской.

Было определенно несколько талантливых людей, которые смогли одержать победу над Су Чжэнчэнем на шахматной доске. Тем не менее, ни один из них не был выбран им в конце.

Су Чжэнчэнь даже осмелился игнорировать указ императора, отвергая несравнимо благородного принца без каких-либо колебаний (П/П: император хотел, чтобы он взял этого принца в ученики). Трудность получения «Искусства Убийства Богов и Демонов» была невообразимой.

И это было не случайно. Это было предопределено, и характер Су Чжэнчэнь сыграл здесь большую роль.

Никто не знал, какие качества Су Чжэнчэнь искал в своем ученике, и даже если бы он принял его, часто скоро ученик изгонялся. В предыдущей жизни Ван Чуна было много таких прецедентов.

Таким образом, Ван Чун не осмелился воевать!

«Соблазнение» Су Чжэнчэня было только первым шагом, то, что было следующим, и было истинным испытанием!

С такими мыслями, Ван Чун подошел к Китайскому дереву ученых.

«Старший!»

Ван Чун почтительно поклонился Су Чжэнчэню, после чего сел на противоположной стороне шахматной доски. Казалось, он был здесь, чтобы посетить обычный шахматный матч с обычным старцем.

Учитывая обычную одежду другой стороны и скрытность, было ясно, что Су Чжэнчэнь не хотел, чтобы кто-нибудь узнал его истинную личность.

Таким образом, Ван Чун решил не действовать слишком сдержанно или вежливо.

В это время более подходящим было бы просто проявление некоторого уровня уважения.

Су Чжэнчэнь ничего не сказал. Его брови были тесно сомкнуты, и его глаза были зафиксированы на столкновении между черными и белыми камнями на позолоченной шахматной доске. Казалось, он вообще не заметил Ван Чуна.

«Старший брат, ты невероятный! Дед уже сидит здесь целый день, и он все еще не знает, как он должен сделать свой следующий шаг!»

В это время слегка по-детски раздался голос. Пухлый ребенок, Дай Цзяньцзянь, стоял справа за Су Чжэнчжэнем и облизывал сладкий леденец, глядя на Ван Чуна с восхищением.

Он мог быть молодым, но, наблюдая за шахматными матчами здесь изо дня в день, он кое-что узнал от них. Он мог сказать, что старший брат, которого встретил на этот раз, был грозным игроком.

Подумать только, что его дед на самом деле оказался в тупике!

«Цзянь-эр!»

В этот момент раздался авторитетный голос, и на лбу Су Чжэнчэня промелькнула морщинка.

Тем не менее, его тело оставалось совершенно неподвижным. Он продолжал пристально смотреть на шахматную доску с белым камнем в руке.

Мальчик высунул язык, прежде чем уйти.

Увидев это зрелище, Ван Чун улыбнулся, прежде чем снова обратить внимание на золотую шахматную доску. Расположение камней на шахматной доске было таким же, как и вчера.

То есть, со вчерашнего дня, Су Чжэнчэнь не смог принять решение о своем следующем ходе.

Поскольку Су Чжэнчэнь не сделал ни единого шага, Ван Чун мог только терпеливо ждать.

Ветер дул, и Китайское дерево ученого шелестело под легким бризом.

Цвинь! Цвинь!

За исключением случайных звуков цикад, окрестности были совершенно спокойными.

Су Чжэнчэнь не сказал ни слова, поэтому Ван Чун также остался молчаливым.

Казалось, что мир под деревом Китайского ученого остановился.

«Молодой человек, ваш способ играть неортодоксален!»

После долгого периода времени Су Чжэнчэнь, наконец, поднял свой взгляд и посмотрел на Ван Чуна с суровым выражением.

Это был первый раз, когда Ван Чун предстал перед Су Чжэнчэнем.

Су Чжэнчэнь был тощим, но это мало что значило с его авторитетной и подавляющей аурой, которая, казалось, глубоко въелась в его кости. У него был сильный дар праведности, но его лицо было лишено эмоций, давая другим очень суровое впечатление о нем.

Кроме того, еще одна вещь, которую заметил Ван Чун, заключалась в том, что у него были толстые белые брови.

Прошло много лет с тех пор, как Су Чжэнчэнь запер свою резиденцию и отдалился от королевского двора и военных. В течение этих лет его положение сильно изменилось. Но даже в этом, расслабленном и обычном состоянии, Ван Чун все еще мог найти следы внушительного и могучего бога войны того времени.

Среди двоих, сидящих под деревом Китайского ученого, один был легендарным богом войны прошлого, а другой был будущим Великим Маршалом Центральных Равнин. Этот шахматный матч был процессом отбора учеников легендарного бога войны, а также столкновением между старшим и новым поколением Великих Маршалов!

Несмотря на то, что Ван Чун знал, что он не соответствует Старому Маршалу Су по боевым искусствам, он был уверен в победе над последним с точки зрения боевых стратегий.

«Старший, на поле битвы, есть только жизнь и смерть, победа и поражение. Нет такого понятия, как ортодоксальность и неортодоксальность!»

Услышав, что Су Чжэнчэнь говорил о «неортодоксальности», Ван Чун опроверг его слова, не сдерживаясь.

Ван Чун был тем, кто пережил этот хаотический конец света, и он претерпел всевозможные мелкие и большие битвы.

Даже если его противник был Су Чжэнчэнем, Ван Чун не думал, что проиграет.

Су Чжэнчэнь слегка нахмурился, не ожидая, что Ван Чун произнесет такие слова. Он сказал, что стиль игры Ван Чуна был неортодоксальным, но Ван Чун продолжал применять игру к войне!

Шахматы и военные стратегии пришли из одной и той же ткани. С самого начала «Го» был ответвлением войны. (Го - логическая настольная игра с глубоким стратегическим содержанием, возникшая в Древнем Китае, по разным оценкам, от 2 до 5 тысяч лет назад)

Таким образом, слова Ван Чуна были не без смысла.

Су Чжэнчэнь, держась за тяжелый белый камень в руке, направил взгляд к шахматной доске, и снова замолчал.

Дун!

После долгого созерцания Су Чжэнчэнь, похоже, наконец, что-то придумал. С громким стуком

белый камень в руке, наконец, упал на шахматную доску.

Су Чжэнчень, наконец, нашел способ контратаки.

Его внезапное движение немедленно вызвало интерес Ван Чуна. Ван Чун внутренне усмехнулся про себя. Этот шаг Су Чжэнчэня был действительно чрезвычайно глубоким и мудрым.

С этим единственным ходом, вся ситуация на шахматной доске, казалось, изменилась. Внезапно почувствовалось, что драконы проснулись от своего сна, и появилась надежда обратить прилив вспять.

Но Ван Чун только покачал головой, увидев этот шаг.

«Как и ожидалось!»

Ван Чун улыбнулся. Он взял черный камень и «Пун!», аккуратно его положил в центре шахматной доски. С этим прикосновением приливы на шахматной доске изменились еще раз.

Минуту назад Су Чжэнченю, похоже, удалось сбежать от смерти, и он почти почувствовал, что прилив был отменен с помощью этого единственного хода. Но с движением Ван Чуна все рухнуло, и дракон медленно зачах. Атака Су Чжэнчэня рушилась.

Под Китайским деревом ученого, перед шахматной доской, на лбу Су Чжэнчэня вырисовывалась глубокая складка, и на его лице появилось мрачное выражение.

По правде говоря, шахматный матч под деревом Китайского ученого был понижением его стандартов, чтобы все таланты могли поучаствовать. Таким образом, даже те, кто обладал малейшей способностью к войне, могли участвовать и, возможно, добиться успеха.

Мысль о том, что этот матч превратится в полномасштабную войну, никогда не приходила ему в голову, и, что еще хуже, казалось, что это был его проигрыш.

Это было полностью вне его ожиданий.

Су Чжэнчэнь неподвижно смотрел на зрелище на шахматной доске с серьезным выражением, и было трудно сказать, о чем он думал.

«Из какого клана ты пришел?»

После долгого периода времени Су Чжэнчэнь, наконец, поднял голову. Обычный клан не мог культивировать подобный уровень мастерства у своих потомков.

«Я, Ван Чун, сын генерала Великого Тана Ван Яна, внук предыдущего премьер-министра Ван Цзю Лина!»

Ван Чун, сидя на коленях, ответил уверенно и почтительно.

«Ах, так ты внук Ван Бо У».

(Прозвище Ван Цзю Лина)

Брови Су Чжэнчэня слегка дернулись, но его лицо оставалось равнодушным.

«Герцог Цзю» Ван Цзю Лин, предыдущий премьер-министр Великого Тана, был фигурой, о которой знали все в Центральных Равнинах. Говоря о нем, не было ни одного человека, который бы не поднял большие пальцы, чтобы похвалить его благородные поступки.

Но Су Чжэнчэнь.. герцог Цзю был человеком, которого он мог случайно назвать его прозвищем. На самом деле казалось, что он просто говорит о другом младшем.

Если бы это был кто-то еще, Ван Чун подумал бы, что он унижает герцога Цзю, и он встанет и уйдет немедленно.

Тем не менее, из всего Великого Тана, действительно было несколько человек, которые могли бы обратиться к его дедушке в качестве старшего.

И Су Чжэнчэнь был одним из них.

Как и предыдущий бог войны, Су Чжэнчэнь сделал свое имя намного раньше, чем герцог Цзю, и когда он был на пике своего авторитета, другая сторона была еще неизвестным парнем.

И, говоря о возрасте, в то время как дедушка только что вошел в свое семидесятилетие не так давно, он был значительно моложе старшего, сидящего перед Ван Чуном в этот момент.

«Размышляя об этом сейчас, ему, кажется, около восьмидесяти или девяноста? ... Или, может быть, даже больше!»

Сердце Ван Чуна яростно колотилось. Дед сделал свое имя, когда он был в двадцатых годах, и к тому времени Су Чжэнчэню было, по крайней мере, лет сорок.

Другими словами, Су Чжэнчэнь, вероятно, вошел уже в девяностые годы. На самом деле Ван Чун даже подозревал, что он, возможно, прошел через черту столетия.

В конце концов, он был генералом во время поколения Императора Тайцзуна!

Тем не менее, было невозможно говорить о его возрасте, основываясь на внешности. Ван Чун поднял голову и кратко осмотрел Су Чжэнчэня. Хотя волосы другой стороны были белыми, он казался энергичным, и его тело все еще было здоровым. Он не выглядел намного старше, чем дедушка.

П/П с кит.:

Император Тайцзун = Ли Шиминь

Он сын первого императора Великого Тана, и он сыграл решающую роль в основании Великого Тана.

Большинство китайцев имеют несколько имен, таких как имя вежливости и т. д.

В этом случае, Ван Бо У прозвище Ван Цзю Лина.

На всякий случай, если вам интересно, его вежливое имя - Цзышоу (Ван Цзышоу)

Вежливое имя похоже на «взрослое имя». Оно дается вам, как только вы достигнете совершеннолетия.

Существует также имя искусства (имя, которое художники используют в своих произведениях).

На самом деле, Ван Янь также имеет вежливое имя, но я перевел его как «Ван Янь», чтобы избежать путаницы.

http://tl.rulate.ru/book/3937/164596